

ИСТОРИЯ О БѢГСТВУЮЩЕМЪ СВЯЩЕНСТВѢ.

Сочиненіе Ивана Алексѣева (1755).

Не малъ убо востыни сеи божественный человѣческому роду даръ на исправленіе дадеся — исторіи о древнихъ вѣщѣхъ и дѣлахъ полагагаи, въ бессмертную тѣхъ память и въ пользу многихъ. Колѣнія бы дражайшіи помысли хотѣли погибнути отъ насъ, аще бы вродившии дѣла честныхъ мужей исторіями не подтвердилися! Нылъ же не тино; но благіи ревности и предивная дѣла богелюбивыхъ мужей, аки свѣти возсіяшіи въ мірѣ, писанію предаватися обыкоша, даже, сія реагибающе, ревностии преуспѣвають въ силѣ, немощіи исправляются и къ лучшему преуспѣвають, а дѣвннн чувство своего небреженія воспріимють. Дерзнуше глаголати: исторіи древнихъ дѣлъ, пачеже правдоучительныхъ и правильныхъ, вѣстъ человѣческіе нравы исправляти и къ Богу приводити внимающихъ. Тѣмъ же Павелъ и глаголетъ: *Нелюбите настаслики ваши.* Но како ихъ можно поминти, аще исторій о нихъ не вознимаи? Сего ради азъ многое и неумалимо тщаніе возымѣхъ — исторію сію о бѣгствующемъ іерействѣ обрѣсти, выны ради сицевы: понеже частое вопрошеніе ко іерейству сему отъ насъ бываше, почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ. На сіе отъ нихъ скорое и удобное всякому во отвѣтъ слово: отци наши первѣйшіи іерей сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословеніемъ дѣйствуемъ. Тѣмъ же нужда ми бысть исторію сію начати отъ первыхъ временъ премѣненія и, повѣсть сію описуочи, коегда отъ священныхъ чиновъ даже до нашихъ временъ и показуочи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста, во еже отъ древнихъ признати явстѣвшихъ. Но понеже возмѣ небрежно быше о семъ (чтобы описати самѣхъ тѣхъ и дѣла ихъ), аще и мнози во устѣхъ ихъ имуть, обаче память о нихъ аки искра въ пепелъ погибати хотяше. И намъ убо поздно на се взмсканіе случило принти, яко совершенно вѣдущихъ едва обрѣсти: не малъ трудъ на се воспріимѣхъ, испытуя итѣи

отъ инокъ и бѣльцевъ искусныхъ, како кто отъ древнихъ священниковъ съ новодогматствующими поступаше и отъ тѣхъ какъ кого примаше и конемъ образомъ сіи новорукоположенцы введошася. И елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, нмѣ въ единъ сотъ сем исторіи связяхъ и предъ очи всѣхъ предложити намѣренъ есмь. Аще ли кто болѣ сего вѣсть, да приложитъ; аще ли ни, то за благо сіа да приметъ, о чемъ здѣ предлагаемъ.

И первѣе реку о отцѣхъ соловецкихъ, благочестія ради изрядныхъ страдальцевъ. Посылаемъ бо бысть исперва къ нимъ по царскому указу и по совѣту Никона патріарха новорукоположенный архимандритъ Іосифъ, отъ собора духовныхъ, на мѣсто Никанора, бывшаго въ нихъ архимандрита, съ новыми догматы. Отци же соловецкіи не токмо догматовъ тѣхъ не пріиша, но и архимандрита бездѣльна вснати отслаша. Оному же прибывшу къ Москвѣ, на гнѣвъ велий царя подвиже. Сего ради царь нѣкоего воеводу Игнатія со онымъ архимандритомъ въ соловецкую обитель ко отцемъ нани посла, придавъ ему сто человекъ воиновъ, повелѣвая, да въ степень оную примутъ архимандрита отци, аще ли ни, то силою да сотворитъ воевода. Видѣвши же отци таковое бѣдство, на нихъ нашедшее, положишася вси на подвигъ мученичества. О чемъ особливо востранная исторія написана.

По сихъ воспримемъ повѣствованіе о Іовѣ нопѣ, благочестія ради во многихъ странахъ скитающемся. Сей убо Іевъ исперва быше литовскія земли, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ, отца имаше именемъ Тимофея. И виегда посланъ бысть Филаретъ, митрополитъ ростовскій, по совѣту духовнаго и мирскаго чина, отъ Москвы къ королю въ Литву, лѣта 7119, для прошенія сына его на российское царство (въ коемъ прошеніи за слово крещенія сына его протѣвалъ король, удержавъ сего митрополита въ неволи на много время). И тѣмъ временемъ Филаретъ преосвященный приобрѣте сего Іева. И егда свободенъ бысть отъ короля, взя съ собою сего Іева, еще въ юности суца. И прибывъ съ нимъ въ российское государство, при келіи его державъ время, (и смиренныя его ради поступи) облече его во иноческій образъ. И бысть сей Іевъ искусенъ инокъ, прохода иноческое дѣло, живя во всякихъ добродѣтелѣхъ и послушаніи изряднѣ. Видѣвъ же его Филаретъ (уже патріаршескій престолъ нмѣа) такими добродѣтели и разумомъ Іева украшена, посвяти его во іерея. И въ сицевомъ чину Іевъ твердъ умъ стязя и сердце боголюбиво, чесо ради по просьбѣ его отпусти его на собственное жительство, давъ ему благословеніе, да, идѣже можетъ, собереть себѣ духовная чада и научитъ иноческой философіи. Отшедшу же сему Іеву, прежде жи-

тельство возмимъ въ тверскомъ уѣздѣ къ Новуграду, при градѣ Старицы, проходя тамо безмолвное житіе, духомъ гора Господевя, егоже тамо тверскій митрополитъ довольно знаеше, якоже услышмимъ во сихъ. Видаше же людіе сіе его добродѣтельное житіе, мнози начаша къ нему собиратися на жительство. И сидевыя ради вины нужда быше ему поставити монастырь, иже и донынѣ той нарицается монастырь Раковъ. Нѣдны же глаголють, яко, отходящу ему отъ Москвы, научи себѣ нѣкое дѣтище, именемъ Іоасафа, а имаше его въ послушеніе свое, о немъ же будетъ послѣди слово. Но яко сей Іевъ зѣло любя безмолвное житіе, того ради въ новосодѣланномъ монастыри устрои братства начальника, а самъ отъиде оттуду, и поселился не зѣло далеко, (въ томъ же уѣздѣ тверскомъ) на утишин. Но како мощно свѣщи, свѣтло горящей свѣтомъ добродѣтелей, во тѣмъ утантися? И тамо единъ по одному, увѣдавъ его пребываніе, притеняху къ нему, требуюше его разума на путь спасенія наставлятися. И сице ту мнози въ жительство собрашася, коего ради множества нужда ему бысть другій монастырь состроити, иже и донынѣ нарицается монастырь Никольскій; и въ семъ монастырѣ сей Іевъ поживе до Никола патріарха. Внегда же настати новымъ догматомъ въ Россіи и сихъ ради староцерковное преданіе держащимъ утѣснатися, дойде и до сего монастыря іевлева нужда приневоленія къ новымъ догматомъ: тогда немогій ту Іевъ пребывать, отъиде въ рыльскій уѣздъ и живяше при городеньствѣ. Но помалу и малу и тамо, аки древу стоящу ему на высотѣ добродѣтелей, мнози подъ сѣнію его птицы словеснія желаюше обитати, ихъ же ради и третій монастырь, нарицаемый Льговъ, лѣта 7177 содѣла. И сіе бысть во дни царя Алексія Михайловича и патріарха Іоакима. Сія же вся ему содѣла и споспѣвши, во еже наздати толикія ограды и въ нихъ собрати словесныя овцы, и толикой многоческой философіи преданіямъ обучи, не что мно, токмо оное святѣйшаго Филарета благословеніе и изрядный его разумъ, чрезъ неже Всевышняго поспѣштво въ томъ ему бысть. Но новеже широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюду валежащу, тѣсно бысть сему Іеву въ томъ монастыри пребывать, измде нвѣ тоя обители, преходя крѣпся по мѣстомъ, прииде къ Дону и поселился тамо при Чирѣ рѣцѣ. И видѣ братство къ нему собирающеся, построи и тамо четвертый монастырь и въ немъ постави церковь. И тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ, остави ю неосвященную, живѣ вѣше ста лѣтъ. Старецъ опасный быше благочестія хранитель и отецъ чадѣ духовныхъ изрядный и любовный сихъ питатель млекою ученія, отъиде отъ сего свѣта временна въ вѣчный, во мзду трудовъ своего странствія, печаль и плачь остави послѣдующимъ ему.

По смерти же сего Іова, избій баше на Тихвизъ игумень, именемъ Досифей, в той, новыхъ ради догматовъ и малажащаго принужденія, остави свой монастырь и пространство житія поиде тѣснымъ путемъ, укрываясь по различнымъ мѣстамъ, въ пѣдрахъ своихъ храня древнїа церкви разумъ, въ нейже баше крещенъ и рукоположенъ негнивно. И тако прииде на Донъ къ мѣсту оному новосодѣланнаго монастыря Іевонъ. Людїе же, по Іевѣ оставшіися, видѣвше таковаго отца приходъ къ нимъ, не меньша суща добродѣтелию и разумомъ Іева, радостное ему привѣтство творяще, приѣмлюще его и приколъ его облобцающе, вторня радости виновный, вмѣняюще пришествіе его іевлево быти воскресеніе,—и аки живописаненъ Іевин образъ поставляющъ явленъ быти имъ Досифей. Внегда же вселитися ему во іевлевы монастырь, видѣ ту церковь новосодѣланную, еще не посвященную; (до прошенію же ту живущихъ), посвати ю съ присутствіемъ пѣ-
 кресо діакона Герасима, живша во Льговѣ при Іевѣ ономъ. И на той новодросвященной церкви служилъ пять лѣтъ, принося безкровныя жертвы. Но яко не можетъ градъ укрытиса, верку горы стоящъ: во многимъ страхамъ вѣдома та церковь и дѣйство ихъ сотворилъ. Убояся сего сей Досифей, тѣмъ и не дожидаячиса отъ архіерея како-
 выхъ посылокъ, потщася гонизнути мучительскихъ рукъ: остави цер-
 ковь и монастырь, преиде оттуду за Астрахань, къ хвалынскому морю, и поселился тамо близъ Кумы рѣки, живъ во ономъ мѣстѣ лѣта нѣкая богоугодно, сохраняя древнее благочестіе непреклонно къ противному разуму, общества всякаго со мновѣрными удаленъ, не по угодію плоти презирая настоящаго вѣка вещи, весь Богови прило-
 жился, тѣсными пути хода, образъ показуя небеснаго званія, иреиде отъ сея скорбныя жизни въ вѣчный покой. Но о коликихъ плачѣ и рыданіе послѣдующимъ себѣ остави! паче неже іевлева плача въ то-
 ликомъ оземствованіи, въ толикомъ удаленномъ страствіи, сирыхъ, бѣднцхъ и непризорныхъ толкїй отецъ чадолюбивый, толкїй па-
 стырь мзрядный и руководецъ истиннаго пути, на таковой дустыни ихъ остави, еликаго уже надѣятиса не можаху! Плакаху надъ нимъ мужи, рыдаху боголюбныя жены, юноши слезаху, и всѣмъ отъ очію слезныя источники исхождаху о бѣдствіи своемъ. И тако предаша тѣло его гробу честно: кое тѣло погребенное въ незлѣнїи прославлен-
 но бысть, скорбящимъ во утѣшеніе и во извѣстіе его спасенія. По времени же нѣкоемъ, оставшіися дѣти его духовныя, не могуще ту жити о себѣ, пойдоша оттуду на Кубань, взявше съ собою тѣло досифеево, якоже иногда мзрамальтїане кости іосифовы. Но яко неодо-
 бательно взяша оно, — подсыпавше бо подъ тѣло его множество сребра, коего отецъ живъ смїй отвращашеся,—того ради божїй судъ лави его отъ нихъ.

Идущимъ бо нѣтъ путемъ онымъ, нападе на нихъ Татаровъ, обою ихъ разбиша, а при тѣхъ томъ, обрѣтше сребро, шаши, и тѣмъ оне на части разекоша и по полю на сивѣніе зѣремъ и птицамъ разекоша, конъ части послѣди донскіе казаки, собравше, къ своимъ мѣстамъ правомъше, погребоша. И тако таковыхъ іереевъ тамо преста быти.

Но грядомъ нмѣ къ нимъ странамъ глаголати. Настоящу въ Москвѣ ведію на старовѣрныи гоненію, а наипаче вины ради сѣя, 1666 монеше въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствіи съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное 1668 установленіе положено и писано, то святокъ перечено, кое при служебникъ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуда всякъ священнодѣйствующій и людемъ опасно наблюдаемъ въ томъ бѣше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу нмѣа въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія нагнѣванія, селѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отыти въ стародубскіе предѣлы, (бѣше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, егоже въ нѣкоихъ напастехъ упрямеше). И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: остальше жительство свое, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму дова, любовное шрѣтство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ къ атаману куркускому Ланакъ, повелѣвая листомъ онымъ. отвести нѣтъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ренѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, только умножашася на старовѣрцы гоненіе, ищуще тѣя, и къ новшествомъ 1669 принуждающе силою и муками; конхъ страшныхъ прещеній не могуще носити, многіе народы оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуда населися Бѣлый Колодезь и Сивей, Закишево, Шеломы, слободы. И по сихъ приде еще нѣкій попъ изъ Бѣлева, именемъ Стефанъ, такожде, якоже и Козма, нмѣа на себѣ крещеніе и поставленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, възвсича себѣ тихато и безмолвнаго житія; всякаго покою тѣлеснаго и славы бѣгаа. Тѣмъ (времени зовущу) службу по обычаю врсныхъ для собранія творяше, литургіи же никакже касался и ниже прочахъ тѣмъ дѣйствоваше, оная же тако ненавидѣа, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ крестя, на общеніе не прѣимаше. Новорукоположенцовъ за освѣщеніемъ не виѣлаше и дѣтемъ о нихъ каредь запрещаніе. Исперва

сей Стефанъ въ Занншевѣ живяше, и потомъ, въ заселенную съ сыномъ его Дмитріемъ, въ слободу Митьковку на жительство прѣиде. И сія вся поселенія въ стародубскомъ полку, въ царство царя Алексіа Михайловича быше. Живущу же Стефану въ Митьковѣ, оряде указъ о новорожденномъ сему царю сынѣ Петрѣ Алексіевичѣ въ Стародубѣ, идже быти на той часъ сыну Стефанову случися, и слыша чтомый сей указъ, умершу царю Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь его Софья Алексіевна принѣши скипетръ царства великороссійскаго. И сія слышавше таковыхъ свободъ стародубскихъ населеніе, повелѣ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ, (на кой часъ уже не омыъ Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ быше), въ коемъ указѣ повелѣвая, дабы такіе забѣглыя народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшія же, не хотяще стѣжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ томъ пребывающу, утѣшися таковая зѣлость гоненія, и бѣсть утѣшиа; пакы собралася гонимыя. Но пакы отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающую, обще вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъйти въ Польшу. И тако усовѣтовавше поидоша и поселишася въ области пани Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ. Стефанъ насельникъ бѣсть ту, идже послѣди монастырь и церковь бѣ, а Козма на край слободы къ Халцу. И сице уселившися, на молитву кѣждо со своими въ храмѣхъ простѣхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старообрѣцъ належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще стравствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древствъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертограды и садовія обратшася, гради вторімъ показашася населеніемъ человекѣмъ, нижже населися Косецкая, Романово, Леонтіево. Нѣции же глаголють, яко по населеніи Косецкія слободы отлучися Козма отъ Стефана и живяше на Косецкой. Понеже Козма іерей быше сынъ нѣкоего утѣшенія, и человекъ быше свободныя мысли, града Москвы изволи на позываніе народное къ службѣ пріобрѣсти колокола, и устави звать. Стефанъ же поцѣ быше прикрутъ и твердъ вѣроу, памятуючи руссійское себѣ гоненіе, зѣло сокрываи себе, любя подъ нѣкии спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло сварашася въ ономъ

звонѣ на Козму попа, глаголя: Мы (рече) не славится есмо забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытися, и въ тайныхъ сокровищахъ смхъ цѣло и непорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издаетъ, чтобы призвати на ся ваки гоненіе. Но спиевое между нимъ раздѣленіе ревности единой оставляется, благовѣрія же ничто касяемо. Якоже и Козма иногда съ Доміаномъ посваришася о яйцѣ, обаче обов быша небеснаго званія, а не раздорницы святыхъ церкви. Времени же нѣкоему минувшу, отъиде Стефанъ отъ Вѣтки въ Лоевъ, ревнитель смй велій стародерковныхъ преданій, и живяше въ слободѣ Карповкѣ на утишинѣ, славы человѣческой бѣгая, духомъ горя, присно възскуяй горняго, и въ той слободѣ жизнь свою сконча. При смерти дѣтемъ своимъ духовнымъ ни о чемъ тако наказоваше, точию о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно да соблюдутъ. И глаголя, да всически отъ новаго рукоположенія сохрѣняютъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти и въ томъ наказаніи отъиде на вѣчную жизнь, о чемъ мнѣзи свидѣтели и до днесь обрѣтаются.

Въ десятое убо лѣто, по настатіи заграничныхъ слободъ, нача мѣсто Былевъ, рѣки и пути, людьми населатися, кое мѣсто отъ Вѣтки 20 верстѣ къ границѣ. Во второе же лѣто населенія Былева, пріиде къ нимъ чернѣи поплъ Іоасафъ, (о немже прежде рѣхъ, быти ему келейникомъ у священноинокѣ Іева вышепоманутаго) и постави внизъ по пути при рѣцѣ келію, отстояніемъ отъ былевскія слободы пять верстѣ, и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе. Быше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ, и злословіе на него мещуще, нарицаху его не Іоасафомъ, но Асапомъ, зныи ради сея, яко сей поплъ аще и стараго быше крещенія, обаче о рукоположеніи подозрѣ имаше, о немъже сказати ни леть естъ. Пребывающу бо Іеву въ монастырѣ Льговѣ, (о немъ же выше) при немъ же и сей Іоасафъ живяше, уже иноческнѣи одѣваніемъ облеченъ. Имаше же сей Іевъ съ тверскимъ архіереемъ веліе дружество, кой архіерей, аще и имаше крещеніе и рукоположеніе стародерковнаго преданія, однако же по новымъ книгамъ служеніе совершая. Къ нему посла Іевъ сего служителя своего Іоасафа, прося да посвятитъ его по старымъ книгамъ. Но яко еще не весьма новое въ нихъ быше укрѣплено, посвяти Іоасафа тверскій архіерей по чину древнему, о немъ же прося Іевъ. И тако Іоасафъ воспріа рукоположеніе, пріиде ваки ко Іеву. Егда же Іеву отъити на Донъ, оставаша въ монастырѣ Льговѣ сей Іоасафъ и іеродіаконъ Герасимъ. Но яко тѣмъ быше ту житіе отъ новодогматствованія, разыдошася: Іоасафъ отъиде на Амоу рѣку въ пасену, и по нимъ мѣстамъ крѣпся пріиде на Былевъ, его

же рукоположеніе оно, (стоящій при Стефанѣ людіе) слышавше, яко аще и по старымъ ставленъ, но отступника, гнушахуся рукоположеніемъ того, и тако ругательно его поношаху и злословяху. Видѣвшѣ Іоасафъ тако отъ народа себе хулима и презираема, пути итти къ оному помянутому Досиею на Донъ, (еще ему тогда въ животоѣ бывшу, и отецъ его духовный сей Досифей баше, негли камо пребывая съ ними по отлученіи Тихвина тако ему бысть). И пришехъ на Донъ Іоасафъ, проси отца своего Досифеа да оного ради нарѣднаго соблаженія въ того рукоположеніи не повелитъ ему священнодѣйствовать. Что же той на его прошеніе сотвори? не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іоасафа священнодѣйствовать. И тако извѣщенъ бысть о себѣ Іоасафъ, отъиде отъ Дону, и приде пакы въ рыльскій предѣлъ, и живяше на рѣцѣ Амони при деревенькахъ, и оттуду въ пограничный городъ Трубчевскъ отшедъ, и потомъ въ Сумы малороссійскій городъ, къ полковнику въ пасеку, а изъ сего во Обояншину въ шигальскую буду, а изъ сея пакы на Былевъ приде и поселися уже отъ Былева въ низъ по пути 7 верогу. Во времени же семъ не малая баше былевскимъ въ священнодѣйствѣ нужда; того ради пришедше къ оному Іоасафу, просяху его, да преселится близъ слободы ихъ. Іоасафъ же баше благонравенъ и легомъ во обычаи, не помяну ихъ первыя досады, преклонися на прошеніе ихъ, приде, и поставиша ему келію при слободѣ Былевъ. Къ нему же инози на пѣніе собирающеса, духовнъ себѣ наслаждаху. Подъ сіе время умре Козма попъ живый на Косецкой, о немъ же пѣніи связуютъ, яко погребе сего Козму Іоасафъ попъ. И тако Вѣтка опуствъ отъ іерейства. Приспѣвающу нѣкогда дню свѣтопоснаго воскресенія, во отъ немѣннія іерея; не малое вѣтковскому народу наступающе свѣтованіе. И положьшеса общимъ совѣтомъ, на таковой день праздника владычня, призвати отъ Былева сего Іоасафа. Того ради пришедши къ нему лучшіе люди, просиша его, да придесть онъ къ нимъ на Вѣтку, во общую радость, въ день толикаго торжества службъ совершити. Той же, яко благопріятенъ сый къ людемъ, не презрѣ толикаго ихъ дальнаго труда и усерднаго прошенія, поиде съ ними къ Вѣткѣ, и обычными пѣніи почтивъ торжество, хотя пакы возвратитися къ Былеву. Народи же вси собравшеса падающе къ ногамъ его и просяще со умиленіемъ, извѣщающе толикія и таковыя своя нужды въ немъ, да не отъидеть отъ нихъ, ниже да сирѣхъ тѣхъ оставитъ, аки овецъ непризорне ходящихъ. Видѣвъ же Іоасафъ, яко тѣмъ бяху смилостивы душами и оставленіи аки овцы не имущи пастыри, милосердовавъ о нихъ, оставя Былевъ, преселися на Вѣтку жити, въ мѣстѣ оного

превращеннаго. Слесама. И на Вѣткѣ сей Іоасафъ жива, видѣвъ елико дадеи времемъ, тогда множишася народъ, а таинству святни еухаристіи оокудѣлающу, собравъ стадо свое словесное, предложимъ чужду оятого причащенія, и глагола, яко подобаетъ сею ради держки быти. Людіе, се слово услышавше, благословима предложене се, и воз дама обѣты на трудъ созиданія церкви. И по размещеніи въ радости сердцеъ яшася вси дѣла, нійжко древо на строеніе тоя представляше. И тако множество древъ на показанно мѣсто навезоша. И состроися сія церковь при Іоасафѣ. И тако пребывъ Іоасафъ на Вѣтку пришелъ 5 лѣтъ, умре, остави сію новосозданную церковь непосвященну, старости глубокія достигъ, иносчаснаго житія добръ изученъ. Похваляютъ его нѣции нравы, яко баше тихъ, благоуштенъ, разсужденія шаряднаго, возраста мѣрнаго, благозвѣсно сѣднкою уграшенъ, всѣхъ отъ образа могій благочинію научити, равнатель сѣй, и подражатель во всемъ первымъ отцемъ умершимъ, токмо единъ порокъ въ ставленіи прія, староцерковнаго же ради преданія много преселеній ний, и много странствуя о томъ врейде отъ здѣшнихъ.

Вѣстно же буди о сихъ, любезный читателю, яко пять сикъ іереекъ, Козма, Стефанъ, Іевъ, Досифей и сей Іоасафъ, приходаше отъ Великороссіи, кроиъ Досифея, службы простни поелю, не требующи отъ чиникъ іереевъ на священнодѣйство благословеній, гѣхъ архіереевъ удовлетворяше пребываху, отъ нихъ рукоположеніи быша, а воздательчяа благодати во іереехъ не мновѣдающе. Приходящихъ же отъ Великороссіи новокрещенныхъ повтораху своимъ крещаніемъ: новорудоположенныхъ же ижеко приемлюше іереевъ, не и зановѣдающе всѣмъ во нихъ настающимъ не примати таковыхъ. О чемъ свидѣтельствуемъ вси, якоже иносчаснаго чина, тако и мѣрнаго людіе древніи, а вадначе подтверждаетъ сіе наше слово, отвѣтовъ діаконевыхъ во прорѣ 48, и книжица діаконевыхъ о сравненіи согласіе 11.

Нѣ грядемъ къ сказанію о Θεодосіи іерои. Кой Θεодосій баше крещенія и поставленія древнаго: рукоположенъ бо бысть Іосифомъ патриархомъ московскимъ, во градъ Рымскій: въ церковь Василія нескасариѣскаго, николюскаго монастыря. Утѣшень же бысть тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедь оттуду, пріаде на Донещъ рѣку, и живаше тамо въ пустыни. Нѣкогда же ему ѣхавшу съ труднишомъ своимъ по Донцу, впаде въ руки блангородскаго архіереа рессиднимъ. Она же, емше его, представша архіерею. И той много мучдися привести его къ новопреданіямъ, не не возможе. Посла его въ Москву къ патриарху Іоакиму, идѣже отданъ бысть въ градскій сумъ. И тамо томниа мучама и принуждаемъ, не покорився, послемъ бысть

въ ссылку подъ началъ въ монастырь киріловъ. И тамо сидѣвъ седмь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней, отъ унынія писалше книги, которыя гѣсноты не стерпѣвъ, склонися къ новотворнымъ догматомъ, [на кой присяги еще не баше] и приставиша его ко чтенію свѣдѣнія. Малому же времени въ томъ минувшу, тайно подѣхавше нѣціи, увезоша его въ поморье, а оттуду въ Керженецъ на бѣльмангъ. И сукіи ту отъ иноческаго чина молиша, да не оставитъ ихъ при дуковной нуждѣ. Онъ же отрицаяся сего дѣла, предлагая имъ оно къ новотворнымъ пристатіе. Тѣи же припадающе къ ногамъ его, просише его со слезами, обще вопіюще къ нему: на насъ буди грѣхъ сего наденія, о отче! Видѣвъ же онъ всеусердное гѣхъ моленіе и слови, преклонися на прошеніе ихъ и въ нуждахъ крещенія, исповѣданія и постриганія не оставляше ихъ. И по нѣкоемъ времени стѣхавъ отъ нихъ въ Калугу, и тамо въ празднои церкви въ день великаго четвертка, ноцію литургію совершивъ и ко удовленію причастіи агнець запасный сотвори. Увѣдано убо бысть о семъ Θεодосіи на Вѣтку, яко въ Калугѣ пребываетъ, нужды ради своея великіи; отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего инока искуснаго Нифонта въ Калугу просити сего Θεодосія грамотами, да придетъ на Вѣтку, предлагающе ему народное собраніе и великія своя нужды во іерействѣ. Нифонтъ съ посланными грамотами достигъ града Калуги, подаде Θεодосію оія, къ нимъ же и просительная своя словеса приложи. Соизволи нрешенію ихъ Θεодосій, преиде отъ Великороссіи въ польскую область; идѣже радостными привѣтствыи возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящися, на вступленія того вси увядшіи печалію, весело хождяху. Пришедъ убо на Вѣтку сей Θεодосій, видѣвъ многъ народъ стекающися на общую молитву, и толико, яко оной новостроенной церкви не вмѣстити ихъ, приложи раднѣе и повелѣ оную церковь Іоасафомъ содѣлаваную, въ длину и въ ширину подъ крыльями распространити. И тако разширенъ ей бывши, проси Θεодосій калужанъ да обратившіеся церковный канастасъ и со олтарными дверми купивъ, отъ построенныи церкви царя Іоанна Васильевича оставшіеся, въ новосодѣлаваную церковь на Вѣтку иршилютъ. Они же не просьбѣ его присланными отъ Θεодосія вся сія вдаша, ниже Θεодосій изряднѣ украси церковь. И еще украсивъ церкви бывши, призва Θεодосій отъ Рильска брата своего, пона бѣлаго Александра новоставленна, его же послѣди во иноческій облече образъ, а еще другаго пона бѣлаго же ловео поставленіе ниуща, именемъ Григорія, отъ Москвы призва. И съ ними двома, безъ діакона, Θεодосій освяти церковь, во имя По-

крове пресветыя богородицы, въ юже антимиосъ полежае баше омиа, кой Меланія старца Балевока, привезла еще ко Іоасафу попу. Нѣци о семъ антимисѣ глаголютъ яко на ономъ антимисѣ не баше еще написаніа, внигда Θεодосій храмъ освящаше, тогда и подписаиъ бысть, а подписаиъ его, сказыють, Аванасій уставшииъ сице: Освятися олтареъ священноинокомъ Θεодосіемъ, и прочая. На толикую убо славу новоосвященныя церкви, вси народи во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на юже отвсюду приходяше людіе, видѣти толикий храмъ церкви желающе, егоже ради и паче людіе, оставляюще дома, въ толикий путь труды воспріимаху. Госнодіе честниа о зданиихъ своихъ вознерадѣша, и госножи честныа течаху на оное жительство, дѣвы откождаху родителей своихъ, на вѣчную чмстоту вдающеся, многочискимъ одѣваніемъ покрывахуса. Откуда безчисленными народы наполниа вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явсѣа.

Но яко толвку множеству стекшуся народу, мирское житіе проходящимъ, велія наста нужда въ тайнѣ брака. Чесо ради отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего старца въ Калугу, и оттуду привезоша Бориса, благаго попа, такожде крещеніе муща старое, а рукоположеніе новое. И сего священноинокъ Θεодосій благослови церковныа тайны по древнему совершати. Кой попъ въ Вѣтви многое время поживъ, преиде оттуду въ Воронокъ слободу. По семъ умре священноинокъ Θεодосій, старости достигъ глубокой. Похваляютъ его нѣци нравы, яко баше смиренъ, и благопріятенъ, простъ, завистя лишенъ, мира церковнаго хранитель, единъ порокъ имѣа, во еже отъ немощи долговременныа темницы, для слободы, къ новымъ догматомъ пристати, присемъ же и новорукоположеннымъ дверь отаверсти и начало подати онымъ священнодѣйствотави, откуда поступающіи по немъ, уже и новокрещенныхъ и новорукоположеныхъ поповъ приѣмлюгъ, и дають власть священная дѣяти, не яко прежимъ іереи. Обаче сей Θεодосій, яко же и прежимъ, новоторныхъ крещеніе повторающе своимъ крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Настоящимъ же по немъ, въ приѣмъ хиротоніи новыхъ согласутъ Θεодосію, а въ крещеніи новоторныхъ иначе поступають. По Θεодосіи еста Александръ, и друзіи новорукоположеніи, и по сихъ преста древняго рукоположенія іерейство. Показуется же отъ граматы Александра діакона, яко во дни Θεодосіа и миро древнее окончася, о чемъ пространнее нѣвется посланіе.

И таковой убо нуждѣ новорукоположенными іереи на многая лѣта простирающейсѣ, воохотѣша народы изъ сего новоприятія навинути въ древніа рукоположенныхъ обичаи. Иначе же не возмого-

ша извинитися, токо да посвященъ имъ будетъ илие либо отъ иже-ныхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ корсавъ.

Что же о томъ и сотвориша? вдавнеше обще ридѣтельствомъ во искалие се, и не обрѣтоша къ нему удобства, тою въ володарной земли, въ ней же удобоприсутна себѣ яскаго митрополита Антонія обрѣтоша. Къ нему же тамо живущи старовѣрцы свободнай влодъ въ разговоръ имше чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ изъ нихъ чловѣка во епископа. Онъ же на се созволи, и повелъ подати доношеніе. Кое подавное азъ сотворено бысть господарю и прочимъ совѣтникамъ его. И вси радостно созволаху на то и обшавше церковь каменную имъ дати.

По семъ еще въ лѣто господне 1731 вѣтковскаго монастыря иштуметь іеромонахъ Власій, отъ всего собора, о томъ же къ господарю волховскому грамату писа сице: Благородному и высокопочтениому во благочестіи сіятельнѣйшу и прочая; ниже: Въ прошломъ 1730 годѣ, преосвященному всея Молдавіи и прочихъ странъ куръ господарю Антонію подали доношеніе, и прочая,—въ коемъ посланіи просиша, да повелитъ митрополиту отъ Вѣтии посланнаго чловѣка посвятити. Временемъ же сего належаіа и патриархъ цареградскій въ Яссы прибысть, мужъ високаго ученія. И сему явлено бысть доношеніе и граматы, и персональное отъ старовѣрцовъ (общего созволенія вѣтковского и діаконова) прошеніе. Патриархъ убо причетовавъ иже сіа вси, обаче отвѣтствова имъ, яко азъ единъ безъ прочихъ вселенскихъ патриарховъ совѣта не могу сотворити. И обшча имъ на то скорый отвѣтъ изъ Цариграда прислати. По малъ же времени отиштія патриарха, присланы быша имъ Цариграда 12 пунктовъ въ Яссы, гречески писаны. Но яко словенски учившимся не возможно чытати, просиша, да преведены будутъ на славенскій языкъ. Сему же сотворьшуся, единъ вѣтковского согласія нехити оныя, къ Вѣтѣ влася. Діаконова же согласія невѣдуше о томъ преводъ, просиша митрополита, да повелитъ превести пункты на славенскій языкъ. Видѣвъ то митрополитъ, возмнѣ ширство нѣкое отъ нихъ быти, востро ихъ отсла отъ себе. Она же, познавше лукавыи вѣтковскыи надлогъ, скрышася отъ лица митрополита, да не бѣднѣ икъ живогъ погибеть. И на томъ преста възсканіе то.

Пункты же оныя присланныи 12, бяху въ таковомъ разумѣ. Да хотій ставитися исповѣданіе дасть, новотворимы догматы хрещтѣ въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити.

Но по многихъ сего случая, бѣше нѣкій чернецъ въ Києвѣ, иикий отъ митрополита кіевского не малую милость, почему (анѣта иштумества) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію. И

увърився украсть изъ секрета съ письма архіерейскаго печать львовскаго и галицкаго. И сочинившу воровскія пisma, будто по прошенію ихъ поѣхавъ тайно до Яссъ на посвященіе архіерейское. И въ Яссы пріѣхавъ, привезъ великія подарунки господарю Михайлѣ и митрополиту Георгію, и объявивъ листъ за руками, аки бы града Чигириня людіе просятъ его на епископію. И господарь велѣлъ митрополиту его поставити. Пріавши же сей Епифаній архіерейства чинъ, поѣхалъ отъ Яссъ аки въ Чигиринъ, но объявился на Украинѣ въ Польшѣ. И тамо испроси у поѣздаго оѣциала львовскаго епископа, чтобъ ему на Украинѣ жить, и сорокъ церквей поповъ ставити. И егда отъ архіереа велѣно яти его, ояъ убѣгъ за Дибіръ, и въ Кіевѣ ятъ, вданъ былъ подъ караулъ. И по отпискѣ въ синодъ, а изъ синода въ Яссы, повелѣно сего Епифанія отъ чина епископскаго обнажить: и обнаженъ бысть въ Кіевѣ и растриженъ и плетями наказанъ, посланъ бысть въ ссылку, въ поморскія страны. И прѣхавше Ярославль, на лѣсу отбить и за границу въ нѣкія пустыни привезенъ, и тамо пребысть недѣль съ десять, и на день преображенія господня въ Вѣтку взятъ и безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство опредѣленъ, лѣта 7242. И тако на ономъ возведеніи бывъ, многихъ въ діаконы и въ попы поставилъ. По малѣже возсвѣдѣтельствованъ и обрѣтенъ сей быти новыхъ догматовъ человекъ. Откуда Вѣтковцы, чувство пріавше, за епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ грамматы начаша отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ грамматами въ разная мѣста, и донныѣ въ великой чести священныя дѣйствуютъ. А Епифаній (иминный епископъ) въ вѣтковское разореніе въ Кіевѣ скорбенъ взятъ и тамо умре и безъ пѣнія.

По семъ въ лѣто 7258 явился въ подольскихъ странахъ нѣкій человекъ отъ Великороссіи, именемъ Анфимогенъ: бывъ некогда діаконъ, нарицаше себе епископа. И по старовѣрцамъ грамматы своя разсматывалъ, велика себе нѣкоего именуя, и весьма хитро пиша, призывая къ себѣ забѣглыхъ поповъ и прочихъ знатныхъ (вѣтковскаго и діаконскаго согласія), общаваяся имъ поставити или діаконъ или поповъ, или самаго епископа. И сія слышавше, потрясаша мнози, удивляющеса внезапному его появленію, притекающе на вѣдніе его. И тамо оному архіерейская дѣйствующу, нѣкихъ во діаконы и въ попы рукоположи. Нѣкто же быше чернецъ Анфимъ, мужъ забѣглаго ума, и удивленъ въ томъ многимъ, но своенравенъ и безсовѣтенъ. Сей некогда за древняя въ Москвѣ много пострадалъ, но и велие безуміе отъ любобачальства на себѣ показа, имъже ослабе нача себе глаголати попа, о чемъ до того вѣдущіи его отнюдъ ни въ мысли имяху.

И тако нарицаѣ себе, притече къ нему, нарицающемуся епископу Анониногену и отъ него во архимандрита постависи; возвращься оттуду, воспріѣ жительство между Гомією и Вѣткою, при Сожѣ рѣцѣ въ пустыни, и тамо обитель собираше. Послѣ же и во епископа заочно сей Анонимъ отъ Анониногена, (возгладъ нѣмѣ на Фединѣ, епископа поставляшаго Григоріа неокесарійскаго), постависи; но прельстися. Ибо въ тое мнѣмое его поставленіе уже Анониногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися. Обаче нѣкоимъ слѣпымъ Анонимъ за епископа виѣнися и дѣйствова епископская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы нимаху не малыя подзоры; ихъже онъ постави, и до нынѣ священныя дѣйствуютъ.

Тѣмъ же не вѣмъ, кому здѣ дивитися: народному ли нечувствію, или толнкой страшной дерзости Анонимовъ? яко толкнкій мужъ вѣдущій и толнко терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ тако паде, и многимъ смѣхъ на себе привлаче, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече и неспытво велію на себѣ обязательство оному даде, во вся дни почитати и покарятися тому и прочая. Велію науку собою показа внимающимъ, что дѣетъ любоначальство, и коимъ концемъ любящія мирскія чести овѣнчиваютъ. Послѣ бо сего дерзновенія Анонимъ отшедь, и тамо по нѣкоимъ странамъ прехождая апостольствуя рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспріѣ: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ. И той остриже ему главу и браду въ темницу затворити повелѣ. И тако прокаженъ, едва оттуду утече, и въ нѣкоихъ мѣстахъ скрыся. Не минемъ же и сіе здѣ глаголати, что въ нынѣшнее настоящее лѣто 7263 содѣся. Гомельскіе и вѣтковскіе по заграничю жители, къ нимъже приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіися въ слободахъ, написаша бо тѣмъ челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа нѣмъ человекъ, на совершенства антмиса, мура и на произведеніе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители. И той же по сей челобитной еще извѣстнаго вѣсть, ибо на семъ престаемъ глаголати.

Окончаніе.

Доселѣ убо сію исторію о бѣгствующемъ іерействѣ, наченъ отъ первѣйшихъ лѣтъ, въ нѣже староцерковная премѣненія показашася, произведохъ предлагая, како соловецтѣи хранихуся отъ новшествъ рукоположенныхъ, не примше онаго присланнаго къ нимъ архимандрита, и каковъ бѣше оный Стефанъ великія ревности и Козма, дѣны: нѣже

всѣхъ новшествъ охраняхуся, ни крещенія, ни рукоположенія тѣхъ приимаху. И не токмо сія сами не приимаху, но и послѣдующиѣ себѣ во исходѣ души своея наказоваху, да никто же ни по какой нуждѣ отъ новшествъ рукоположенныхъ приметъ. И сице творяху не токмо сіи, но и прочіи. Свидѣтельствоваша сія приказанія оставшія тѣхъ іереевъ дѣти духовныя, въ коемъ приказаніи и скончашася. Свидѣтельствуютъ сіи и днесь живѣи, слышавше и видѣвше тѣхъ дѣтей, дѣломъ и словомъ приказанія сохранившихъ и въ томъ отъ сего вѣка отшедшихъ. Аще ли Іоасафу и повелѣно бысть Іезомъ отъ тверскаго архіереа поставитися во іереа, но въ семъ нѣсть разгласія съ соловецкими отцы: ибо они подъ исповѣданіемъ новыхъ догматъ ставленнаго не приѣша; сей же Іоасафъ во исповѣданіи и поставленіи древняго обычая рукоположенъ и пріятъ бысть въ дѣйства. И ниже оное іоасафово поставленіе на образецъ можетъ быти нынѣшнихъ вѣзскателей, сихъ ради винъ. Первая вина: яко той архіерей тверскій имаше на себѣ крещеніе и рукоположеніе древнее. Вторая вина: яко и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше. Что свидѣльствоваша и новгородскіи Савѣ: Аще (рече) и новымъ касаюся, но весьма въ сомнѣніи. Третія вина: яко всѣхъ согласій разсудительніи таковыхъ съ новшествами рукоположенными не сравниють и не абіе сихъ отвергаютъ. Четвертая вина: яко сидевыхъ и каноны не лишаютъ еще благодати. Глаголетъ бо Никонъ на первое правило великаго Василія: яко первіи отступшіи имуть благодать рукоположенія. И сихъ ради винъ къ новостемъ приставшіи, а наипаче искру любви еще древнихъ имущіи, не подлежатъ всеконечному отверженію. Тѣмъ и дѣйствующи что въ любви древнихъ, благодатно содѣваетъ, для пріемлющія той личности. Аще же первыхъ поповъ дѣти духовныя за оное поставленіе Іоасафа и гаждаху, убо и недостойніи суть кары.

Тѣмъже вся сія исторически о отцѣхъ древнихъ предложивше, и словомъ ихъ дѣла видѣвше, повративъ очи свои на нынѣшнее іерейство и видимъ, сообразны ли суть тѣмъ, на нихъже они уповаютъ? ни. Реку же о семъ сице: Аще бо оныя отецъ соловецкихъ и тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земнаго Господь Богъ зѣнницы ихъ отрѣшивъ ихъ ревности благовѣрія возставилъ бы, и между сихъ настоящихъ ереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посредѣ глины возблещали, и аки ангели посредѣ плотскихъ челоувѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подъ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ колкое уже безобразіе и нецѣпотство настоящее іерейство приде! Онѣи іерей быша ровнители благочестія древняго, сіи чествованія мірскаго. Онѣи утѣшающесе въ дусѣ; сіи же въ брѣстѣ.

свое имущее на Бога; сіи же на золото и откупники свои. Онии прилежаще бесѣдамъ духовнымъ; сіи же бесѣдамъ мірскимъ. Онии въру праву и догматы истинны соблюдаху: сіи же трапезамъ въру непреложну имугъ. И что о сихъ реку? онии іереи истинни бяху; сіи же истинныхъ іереевъ токмо ниена содержать, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Онии аки пчелныи матки быша; сіи же шершни жалы своими на поготовѣ имущее, да како любо противныхъ себѣ узвять, ураниятъ, изгоняютъ. О іерейства сего чудемнѣннаго и своевольнаго, всеу хвалятся отцами, всеу во устѣхъ имя носятъ! И сіи убо слышавъ, православный читателю, аще чувство доброе имаша, отъ древняго слышанія, не мало настоящимъ удивившися, въ коликое небреженіе, въ коликое своевольство и безобразіе пріиде познати можеша. Кое уже снисхожденіе ихъ видимъ, не далече дверей отступленія, яко не велико уже посредство содѣвается. И сему что виновно есть, не обрѣтаю. Токмо въ широкія врата единому другому предваренія, яко бы рещи: единъ законы плотскими не воздержно ходя слѣпоту научи, въ блатъ страстей погрязе. А нѣмняся свѣтомъ разума ходя, той же вавилонской чаши желая, законы мамонныи подставляетъ, и въру столовую снабждаетъ. Тѣмъже и купно единъ другого въ злобѣ и надежды благія не вѣмъ откуду обрѣсти, яко всемъ врата широкая любезна и многія усердствуютъ въ ня входити, тѣсная же дверь благовѣрія презируется. И како кто можетъ добре законъ Божій церковный хранити? ни како. Читаемъ бо во исторіи стрѣльцовой, яко въ лѣто 7195 восхотѣша стрѣльцы древлецерковная возвратити и за то души своя общающе положить, о чемъ мнози не малыя труды показаша. Но егда сіи стрѣльцы съ нѣкоими посадскими разумнѣйшими, по царскому повелѣнію, съ Хованскимъ княземъ, на разговоръ ко Іоакиму патриарху посланы; тогда кія отъ нихъ на патриаршія напитки вергошася, тіи вси подъ руку патриаршу пойдоша кромѣ любящихъ трезвость. И студъ воздержнымъ сотвориша, а наипаче егда тако о древностехъ старающимся стрѣльцамъ, присланъ бысть отъ двора царска человекъ, возвѣщающъ нѣмилость царску, на всякой десятокъ по ушату пива простова и подѣльнаго и по мѣрѣ меда и вина. И се слышавше онии, оставивша той совѣтъ и по напитки побѣгоша, и въ томъ пятіи мудрость ихъ поглощена бысть. И забывше обѣты свои ради покоя тѣлеснаго отпадоша истинны. Не вѣмъ же воистинну, что хочеть быти и въ насъ, яко всяко раченіе преста, а плотскій покой верхъ воспріимлетъ. Къ коему еще злѣйше явился: во всѣхъ слободахъ кабацкихъ домовъ умножися, на совершенное отгнаніе добраго разума, а исправляющаго о томъ нѣсть. Минимъ бо духовнимъ вмѣсто законовъ церков-

ныхъ, сами сребролюбю и тѣлеснымъ прибыткомъ раба быша, желающе въ семь вѣцѣ покоя и славы и суще враги креста Христова сотворишася. Тѣмъ и аки пси объюродѣша, не могуще на всяко беззаконіе лаяти, отъ коего молчанія людскую выгоду себѣ приобрѣтають, и въ единомъ множествѣ закона похвалу имуть. Отъ чего не малая есть боязнь, да не оныхъ стѣльцовъ иракъ и насъ покрываетъ: ибо не новое то гонящимъ во слѣдъ плотскаго мудрованія отпадати Божія правды. Пишетъ Бароній, яко въ гоненія древняя мнози Христа отвергошася, а первыхъ сіи, иже пространно живяху и благая мира любляху. Отъ чего Боже сохрани насъ и помилуй, и даруй намъ по стопамъ твоимъ ходити, и церкви твоея святыхъ слушати, и со святыми избранными твоими угодити, и Тебѣ славу возсылати во вѣки, аминь.
